

Большой город в постсоветском пространстве

О.Л. ЛЕЙБОВИЧ, А.Н. КАБАЦКОВ, Н.В. ШУШКОВА

В статье на основании социологических исследований анализируются социальные процессы в постсоветском крупном индустриальном центре. Основное внимание уделяется экспансии домашних частных форм культуры в публичную жизнь. Рассматриваются тенденции социальной атомизации горожан и их последствия в политической и общественной сфере. Исследуются особенности политических практик, создающих воображаемые сообщества социально слабых горожан. Формулируется гипотеза о значимости патерналистских техник для поддержания социального мира в условиях растущей экономической поляризации и культурного раскола.

Сорок лет назад было замечено, что и «для социолога город остается одновременно и возможностью, и неясной загадкой» [Reissman 1964, p. 15]. В этом смысле Пермь ничем не отличается от Чикаго или Санкт-Петербурга. Мы далеки от мысли раскрыть таинственную душу города, но тем не менее постараемся использовать шансы, которые нам предоставляет городская социология. — «Социальный вопрос, — некогда написал Р.Э. Парк, — это в принципе городской вопрос. Речь идет о том, чтобы в условиях городской свободы достичь социального порядка и контроля, который спонтанно осуществлялся в семье, племени и клане» [Park 1929, p. 2]. И с этим высказыванием нужно согласиться.

Существует мнение, разделяемое многими социологами, что никакой особой сети социальных городских отношений не существует. «Территория не создает, не порождает общественных отношений (ни на уровне общества, ни локальных)», — утверждал М. Межевич [Межевич 1978, с. 33]. Этот постулат аргументируется тем, что социальные отношения формируют образ жизни людей, а он определяется их общественным положением, тендерными характеристиками и возрастом. Город как особый тип поселения в этом процессе не участвует [Gans 1974, p. 115—118]. Именно такой подход к проблеме города получил распространение в современной российской социологии. Речь идет не о декларациях, а о практике. Городская тематика не пользуется популярностью в социологическом сообществе. Очень мало исследований по этой проблеме и западных авторов. Мы полагаем, что недооценка города в некоторых социологических концепциях неверна, и в своих построениях исходим из следующего:

в городе имеет место устойчивое, повторяющееся, спонтанное взаимодействие людей по поводу совместного освоения социального пространства; в городском пространстве на ограниченной территории функционируют многочисленные и разнородные социальные институты — индустриальные, коммерческие, властные, образовательные и научные; организация этого пространства накладывает отпечаток на социальное поведение горожан, более того, оказывает формирующее воздействие на их жизненные стили;

в результате в городе складывается особая социально-территориальная общность людей.

Общественные отношения в большом городе разграничены по разным основаниям. Главная линия раздела, на наш взгляд, проходит между публичной и частной сферами социальной жизни. По строгой формуле Г.П. Бардта, «город — это поселение, в котором повсюду, в том числе и в повседневной жизни, проявляется тенденция к поляризации между публичным и приватным» [Bahrtdt 1961, S. 38].

В указанных сферах городской жизни действуют разные регуляторы социального поведения. В публичной сфере горожане подчиняются формальным безличным правилам, сложившимся в больших производственных, экономических и политических системах. В частной сфере те же горожане выстраивают механизмы взаимоотношений по-иному, основываясь на домашних привычках, личных симпатиях и антипатиях, семейных традициях, индивидуальных предпочтениях. В частном общении применяются специфические языковые нормы, более экспрессивные, менее строгие.

Жилище и рабочее место — вот контрапункты, организующие городскую среду. Очагом частной жизни является отдельная квартира, значение которой для социального поведения горожанина очень велико. Квартира — средоточие завоеванных статусных позиций, и по этой причине она выполняет представительские функции, в том числе и для ее владельцев. Социологами замечено, что современный горожанин всю ситуацию в городе оценивает в зависимости от удовлетворенности собственными жилищными условиями [Burie 1976, p. 76]. Публичная жизнь разворачивается в цехе промышленного предприятия, в офисе коммерческой фирмы, в школьных и вузовских аудиториях, в кабинетах и конференц-залах учреждений государственной и муниципальной власти, на улицах, в магазинах, в общественном транспорте. Институты публичной жизни меняются более динамично, нежели институты жизни частной.

Социальная жизнь горожан регулируется двойной системой координат. Именно она обеспечивает социальный порядок в городском сообществе, открытом и динамичном. Если же наблюдается смешение публичных и частных практик, то вся организация социальной жизни в городе дает сбой.

В последнее десятилетие в нашей стране наблюдается экспансия правил общежития, принятых в частной жизни, на жизнь публичную. Для подтверждения высказанных суждений воспользуемся результатами социологических исследований различной тематики, проведенных авторами среди жителей Перми¹.

¹ Пермь является крупным промышленным городом, областным центром с населением около 1 млн чел. По своим социально-демографическим и экономическим показателям Пермь — типичное в своей категории поселение.

Большой город в постсоветском пространстве

Исследование управленческих ситуаций во множестве малых и средних фирм, работающих в Перми, свидетельствует об упрощенности и уплощенности стиля руководства. Отбор сотрудников происходит на началах личного знакомства или родственных отношений, т. е. на иных основаниях, нежели профессиональные способности и квалификация. Начальство ведет себя по-домашнему, не стесняясь в выражениях и демонстрациях эмоций. Сотрудники принимают — спонтанно или сознательно — навязанные им роли, воспроизводят тональность отношений на горизонтальном и вертикальном уровнях. Профессиональный уровень, не признанный хозяином, теряет свое значение. Оценка деятельности сотрудников зависит от личных взаимоотношений с владельцем фирмы. Малая фирма превращается в закрытый мир, масштабом и поведенческими нормами напоминающий семью. Производственная публичная жизнь становится разновидностью частной, домашней жизни, отгороженной от большого мира².

В социологической литературе процесс одомашнивания публичной жизни связывают с рурализацией города. Этот неудобопроизносимый и непереволимый термин означает не что иное, как распространение на городской образ жизни продуктов сельской культуры, в том числе моделей поведения, ценностей, соответствующих практик³. Сельские модели общежития привносятся в городское культурное пространство многочисленными выходцами из деревни. Среди причин усиленной миграции следует упомянуть разность социально-экономических условий в больших городах и сельских районах, а также потребность социалистических предприятий в неквалифицированной и нетребовательной рабочей силе [*Литовка* 1976, с. 15]. Данное замечание верно и в отношении Перми [*Этнические проблемы* 1998, с. 13].

На наш взгляд, это только один из источников проникновения сугубо домашних практик в большую экономику и, добавим, в политику, причем не самый важный.

Во-первых, в последние годы приток мигрантов уменьшился. Во-вторых, само по себе распространение сельских практик на жизнь финансовых учреждений и коммерческих контор не может считаться естественным процессом, хотя бы потому, что руководящий персонал этих учреждений рекрутируется, как правило, не из деревни. В связи с этим представляет особый интерес мнение А. Садовского, согласно которому одним из источников рурализации является тесная связь между традиционной народной городской культурой, в русской литературе прошлого века называемой «мещанской», и ее сельским аналогом и прототипом [*Sadowski* 1978, p. 51].

Уточним понятия. Старая мещанская городская культура отошла в историю вместе с частными строениями в центре Перми, огородами, домашним скотом, кустарными мастерскими. Мы можем достаточно точно датировать этот процесс 60-ми годами ушедшего века.

² Мы благодарны доц. кафедры культурологии ПГТУ О.Ю. Андреевой за любезно предоставленный материал, характеризующий управленческую ситуацию в малом бизнесе Перми.

³ От рурализации как спонтанного и объективного социального процесса следует отличать ее инсценировку в сугубо урбанизированных интеллигентных слоях, отвергающих городскую культуру в ее социалистическом, или либеральном, индустриальном, или экономическом, воплощениях.

Появление в массовом масштабе мичуринских участков, распространение выездных огородных форм трудовой занятости среди основной части городского населения Перми не может считаться, на наш взгляд, возрождением старой традиции. Этот спонтанный ответ городских жителей на продовольственный кризис имеет иные культурные основания. В нем присутствует и реакция на механизированный бюрократический мир крупного производства, и рациональный выбор стратегии выживания и развития в условиях разрушения системы социалистического хозяйства и деградации городской среды. И в таком смысле новая аграрная культура являлась, на наш взгляд, своеобразным преломлением урбанистической культуры, освоенной вторым и третьим поколениями жителей большого социалистического промышленного города.

Урбанистическая культура имеет много уровней. Здесь мы ведем речь о ее низовом слое, который можно назвать домашней рациональной экономической культурой. Перечислим ее компоненты:

организация домашнего хозяйства, всего семейного быта на денежной основе. Она включала в себя планирование домашнего бюджета, учет ресурсов и выбор экономичных стратегий, поиск потребительских рынков и даже оценку рисков;

частный обмен товарами, услугами, информацией на эквивалентной основе без участия государства. При таком обмене создавались институциональные связи между участниками теневого рынка по распределению дефицита.

Домашняя рациональная экономическая культура дополняла большую хозяйственную индустриальную культуру. Одновременно она была связана с подпольной культурой частного предпринимательства, находящегося под контролем криминальных элементов и несущего в себе черты уголовного мира. С ее помощью в рыночные отношения так или иначе была вовлечена значительная часть городского населения. В ней лояльные советские граждане получали первые уроки рационального экономического поведения.

Нельзя считать домашнюю рациональную экономическую культуру традиционной. Она является продуктом современного городского образа жизни, иначе называемого урбанизмом. Тем не менее в ней присутствуют черты, роднящие ее с мещанской культурой старого города.

Поведение людей, освоивших ее, регулируется обычным правом — неписанными и неотрефлексированными нормами и ориентирами, действующими в пределах ограниченного социального круга, фактически семьи и ее ближайшего окружения. Ее можно считать *культурой семейного очага*. Экономическая рациональность в такой культуре неотделима от межличностных привязанностей и семейных традиций.

Отметим, что домашняя рациональная экономическая культура неоднородна. В ней в неразвитом, локальном и огрубленном виде формируются механизмы современной рыночной культуры. В то же время она возникла внутри социалистической культуры, от которой неявно заимствовала пренебрежительное отношение к рыночным формам хозяйствования — торговле, личному экономическому интересу, предпринимательству. Все эти практики социально не признаны, и потому на них не распространяются общие правовые и нравственные нормы. Стало быть, в них действуют иные регуляторы, частично сконструированные заново для личных нужд и не выходящие за пределы узкого

Большой город в постсоветском пространстве

круга, частично скопированные из норм криминального мира. Иначе говоря, домашняя рациональная экономическая культура складывается за пределами общественной морали или, в лучшем случае, в ее пограничной зоне. Именно этим в первую очередь она отличается от прежней мещанской народной городской культуры.

Отечественная рыночная протокультура весьма далека от протестантской этики в интерпретации М. Вебера. Питательной средой для нее служат не малые общины трудолюбивых и богобоязненных ремесленников, а социокультурное пространство большого города — сложно организованное, индивидуализированное, многоуровневое, динамичное, безличностное, денежное и функциональное. Второе издание капитализма в нашей стране повлекло за собой широкое распространение низовых экономических рыночных практик. Новые предприниматели опирались и опираются на готовую традицию, сложившуюся в домашней сфере. Фактически речь идет, конечно, о скрещении бытовой, бывшей советской и криминальной традиций.

Роль криминальной традиции не случайна. Домашняя низовая экономическая культура вступила в соединение с подпольной криминальной культурой вследствие их известного сродства. Речь идет о свойственном обоим культурам отторжении публичных норм, патриархальном стиле осуществления власти, жестком делении общества на своих и чужих.

Новый бизнес сегодня организован по семейному принципу с добавлением криминальных практик. Механизмы регулирования поведения, сложившиеся в советской городской приватной сфере, используются сегодня в больших публичных экономических и политических социальных институтах. В силу этих причин социальная ситуация в Перми характеризуется далеко идущим смешением публичных и частных форм общественной жизни. Причем доминирующую роль играют домашние образцы культуры.

Пермь сегодня с социологической точки зрения более всего напоминает агломерацию относительно замкнутых социальных общин — локальных, производственных, функциональных. Им свойственна жесткая социальная иерархия, прикрепление индивида к социальной позиции, прямой контроль, личный характер контактов. Рыночные принципы социальной организации выражены в городе очень слабо, как и «специфическая упругость, динамизм и сознательность» в общественной жизни [Bahrdt 1961, S. 56]. Городская пермская общественность замкнулась в малых ячейках. На наш взгляд, «окукливание» социальной жизни в замкнутых локальных объединениях общинного типа является доминирующей тенденцией, последствия которой многообразны и противоречивы.

Это «окукливание» в наибольшей степени воздействует на два разнонаправленных, но взаимообусловленных социальных процесса — складывание территориальной городской общности и институализацию новой социальной структуры.

Мы уже писали о том, что городская социальная общность в наименьшей степени может быть отождествлена с воображаемыми сообществами, так как, во-первых, у нее есть вполне объективные основания, а во-вторых, она слабо присутствует в социальной мифологии⁴. Все горожане, независимо от их социальных и демографических различий, проживают в едином экологическом

⁴ Это не исключает, однако, того, что некоторые формы территориальной общности могут подвергаться и подвергаются мифологизации со стороны ее участников.

пространстве. На их образ жизни, хотя и в разной степени, влияют, что бы не писали критики социологии города, исторически сложившиеся географические, экономические, политические, культурные особенности городского поселения, его место в государственной структуре.

В городской пространственной среде действительно концентрируются экономические и социальные, культурные и информационные ресурсы, которые общество в состоянии предоставить гражданам. Эта среда образует социальное поле, в котором разворачиваются общественно значимые связи между людьми, открываются или закрываются каналы для социального продвижения. Для горожан общность пространственной социальной среды обнаруживается в согласованном наборе проблем, этой средой порождаемых. Так, исследования, проведенные в Перми осенью 2001 г., обнаружили сходство позиций разных социальных группировок по поводу ненормальностей повседневной жизни. Жители элитных домов, как и жители панельных пятиэтажек, были солидарны в том, что их удручает, — плохое содержание жилищного фонда и перебои с горячей водой⁵.

Относительная однородность городской среды есть только условие для складывания городской общности, необходимое, но недостаточное. Требуется социальная практика, нацеленная на ее формирование и последующее воспроизводство в рамках сложившихся социальных институтов. Иначе придется согласиться с мнением А. Валлиса: «Городская общность ушла вместе со средневековыми стенами, а современные городские жители представляют собой понятие сугубо административное, но не социологическое» [Wallis 1971, p. 12].

В Перми существуют учреждения, которые призваны поддерживать социальную общность горожан по месту жительства. Имеются в виду представительные муниципальные органы городской власти (Дума и администрация) и органы территориального общественного самоуправления (ОТОС).

Участие горожан в работе этих учреждений принципиально разнится. В первом случае речь идет о вовлечении горожан в периодические избирательные процедуры и о лояльности к муниципальной власти, об исполнении ее распоряжений, во втором — о прямом участии людей с улицы в управлении, о выдвижении социальных инициатив, о появлении общественных движений, о прямых акциях в защиту локальных интересов, словом, о том, что в социологической литературе известно под именем гражданской партиципации.

В 60-х годах прошлого века европейские и американские социологи, проявившие интерес к проблеме городской демократии, установили, что ее институтами охвачена незначительная часть городского населения (в ФРГ, например, не больше 20 % [Ellwein, Zoll 1982, S. 162]). Кроме того, они выявили устойчивую зависимость между статусными позициями горожан и степенью их участия в коммунальном самоуправлении. Представители бизнес-групп демонстрировали в нем наибольшую активность, тогда как нижние слои населения, в том числе и промышленные рабочие, держались от него в стороне [Dahl 1966, p. 216, 283, 341].

Ситуация в Перми несколько иная. Вовлеченность горожан в работу ОТОС здесь значительно меньше, чем в европейском городе. О том, что такие органы

⁵ Данные социологического исследования «Проблемы повседневной жизни», проведенного в сентябре 2001 г. в Ленинском районе г. Перми. Выборочная совокупность (N = 1226) репрезентативна генеральной по демографическим параметрам (науч. рук. О. Лейбович).

Большой город в постсоветском пространстве

существуют, подавляющее большинство жителей Перми вообще не знают. Так, 88 % жителей Мотовилихинского района областного центра, где ОТОС начинались, ничего о них не слышали [Местное самоуправление 2002, с. 113].

Одна из причин этого отчуждения — сугубо организационная. ОТОС — новое учреждение с неясными полномочиями и прерогативами без собственных финансовых ресурсов. В денежном отношении ОТОС полностью зависит от районной администрации или от отдельных спонсоров. В этом смысле территориальное самоуправление служит одним из приводных ремней административного аппарата или инструментом в руках местных политиков. К слову, в печати и на телевидении об ОТОС вспоминают во время избирательных кампаний в единственном контексте: кандидат в депутаты оказывает им помощь.

Вероятно, было бы уместно привести и экономические доводы. На Западе в общественном самоуправлении участвуют обеспеченные люди. Пермь — город небогатый. Люди с низкими и очень низкими доходами составляют, по нашим подсчетам 2003 г., не менее половины в общем составе населения⁶. Казалось бы, пассивность людей в области муниципальной демократии можно объяснить тем, что они заняты борьбой за выживание. Однако конкретные исследования этой гипотезы не подтверждают. В Перми в отличие от западных городов активист городского самоуправления — это человек пожилого возраста, по социальному положению — пенсионер, по социальному прошлому — заводской рабочий средней квалификации или служащий невысокого ранга, житель города в первом поколении, с неполным средним образованием⁷.

Пермские предприниматели, напротив, держатся в стороне от коммунальной демократии. «В буржуазной среде считается дурным тоном участвовать в избирательных кампаниях, следить за политическими новостями, более того, проявлять какие-то политические взгляды и убеждения» [Боронников, Кабацкое, Лейбович 2002, с. 20]. Политический абсентеизм пермских буржуа не является, однако, препятствием к тому, чтобы люди этого круга занимали ключевые позиции в представительных органах городского и регионального управления. Демократические процедуры в таком случае служат лишь декоративным прикрытием иных, частных по своему содержанию, практик интеграции во власть. В политике господствуют приватные формы передела власти на основе клановых, семейно-родственных и дружеских связей.

Политическое пространство Перми выстроено по принципам, ведущим свое происхождение из средневековой удельной системы. Отдельные территории держат на определенных условиях, неизвестных общественности, политические «бароны», обязанные своим положением «сеньору» более высокого ранга. Границы уделов обычно совпадают с границами избирательных округов для выбо-

⁶ В качестве интегрального показателя уровня жизни мы взяли характер питания. Постоянная экономия на продуктах расценивается нами как характерная черта, свидетельствующая о бедности. Данные взяты из социологического исследования «Потребительское поведение горожан на продовольственном рынке» (октябрь—декабрь 2002 г.). Выборочная совокупность (N = 600) репрезентативна генеральной по демографическим параметрам (науч. рук. О. Лейбович).

⁷ См.: Социологические исследования в рамках проекта «Избиратель Прикамья», проведенные в 1999—2001 гг. в Перми. Выборочная совокупность репрезентативна генеральной (науч. рук. О. Лейбович).

ров в Законодательное собрание (ЗС). Политический «барон», как правило, имеет титул депутата ЗС. Глава районной администрации выступает в двойственной роли: медиатора между ними и одновременно полномочного представителя высшей власти.

Примат частных отношений в политической жизни города, реализуемый наиболее влиятельными социальными группировками, препятствует складыванию реальной политической городской общности. Социальной опорой «отцов города» выступают социально слабые, экономически обездоленные группы городского населения, выбитые обстоятельствами из активной хозяйственной жизни⁸. Именно они в противовес буржуазным и образованным слоям формируют политическую городскую общность, но не демократического, а патерналистско-авторитарного типа.

Ее главной особенностью следует, по всей вероятности, считать доминирование вертикальных связей над горизонтальными. Всякие попытки организовать клубы, иные долговременные социальные объединения или движения в Перми успеха не имеют. Разобщенные, лишённые чувства социальной позиции, люди наделяют харизматическими свойствами того или иного деятеля из мира политики, приписывают ему магические возможности. Преданность ему, исполнение его указаний, просто вербальная поддержка и одобрение обеспечивают таким людям мистическое приобщение к доброй и справедливой силе, способной совершить то, что им требуется, но без их участия. Надежда на другого — характерное свойство изолированного и потерянного индивида, который, как заметил по сходному поводу А. Грамши, «даже если... сам ничего не делает, надеется, что коллективный организм действует, не догадываясь, что именно благодаря весьма широкой распространенности таких взглядов коллективный организм неизменно остается в бездействии» [Грамши 1959, с. 257].

Это бездействие в Перми проявляется в состоянии политического покоя, содержание которого представляет собой механическое соединение общественной апатии, подчинения и отчуждения от институтов публичной власти. В демократических системах общественное согласие есть продукт политической дискуссии, постоянно возобновляемых компромиссов между различными активно и публично действующими общественными силами, представляющими заинтересованные стороны в социальных конфликтах.

Чтобы эти силы сложились, необходимо объединение групп городского населения для защиты общественных интересов. В пермской действительности мы имеем дело с сообществом социальных эгоистов, которые способны переживать, чувствовать и обсуждать только свои собственные проблемы. Через все исследования городских социальных ситуаций красной нитью проходит одна тенденция: чужих проблем (людей иной возрастной группы, другого социального положения) горожане не замечают. Зато собственный партикулярный, или

⁸ В свое время Г. Бардт в комиссии бундестага сообщал депутатам, какие категории городского населения в ФРГ он находит социально слабыми. Этот перечень небезынтересен и для нас. В него включены: старики, инвалиды, разведенные или одинокие женщины с детьми, работники, которые по своей квалификации или возрасту не могут сменить, даже если захотят, место работы, холостяки, студенты, молодые семьи с детьми, иностранные рабочие [Stenografisches Protokoll 1970, S. 6—9]. В нашем случае к названным социально слабым категориям населения добавляются работники бюджетных организаций.

Большой город в постсоветском пространстве

сугубо частный, интерес (грязь в подъезде, неубранный двор, автомобили под окнами) они воспринимают как всеобщий, главный и подлежащий немедленному воплощению административным, денежным или практическим способом.

Заметим, что эту особенность социального поведения пермских избирателей приняли во внимание политтехнологи, и именно на ней они строят эффективные избирательные кампании. «Пермский политический спрос, — характеризует местную ситуацию А. Кимерлинг, — обусловлен тем, что в общественном сознании жителей региона не нашли отражения политические термины. "Свобода" и "политические права" не наполнены реальным содержанием, представления о них весьма расплывчатые. Отсутствует и ожидание активной политической борьбы» [*Кимерлинг 2002, с. 134*]. Социально слабые общественные слои проникнуты иждивенческими настроениями, частью сформированными советским прошлым, частью спровоцированными современной политической рекламой.

Политическая общность пермяков по всем признакам принадлежит к классу воображаемых сообществ. Она выстраивается в старом символическом поле, не соответствующем современным реалиям городской жизни. Речь идет о демонстрации отмерших социальных статусов, сросшихся с общественными институтами социалистической эпохи. Все сохранилось: грамоты, дипломы, записи в трудовых книжках. И все потеряло значение. Оборвались социальные карьеры. Обесценились социальные достижения. Беспомощный, растерянный человек в новой среде спонтанно отвергает навязываемые ему социальные позиции. Он не может, по выражению П. Бурдые, «брать социальный мир... таким, каков он есть» [*Бурдые 1993, с. 65*].

Заметим, к слову, что и новое постсоветское общество весьма далеко от определенности. И сам термин «постсоветское общество» далеко не случаен. Мы разделяем мнение Г. Дилигенского о том, что новое общество «уже и не вполне советское, но и не может в силу своей аморфности, незавершенности быть определено каким-либо собственным, содержательным понятием» [*Дилигенский 1998, с. 127*].

В такой ситуации у людей старших поколений формируется сильное чувство социальной ностальгии. Отчуждение от нового мира влечет за собой массовое распространение, назовем их условно, параллельных практик, в которых символически воспроизводятся некоторые элементы советской жизни (ее церемонии и ритуалы, ее лозунги и речевые обороты). Местные политики умело эксплуатируют чувство социальной ностальгии, превращая каждые выборы в культурные инсценировки эпохи позднего социализма. Они подменяют социальное государство, оказывая прямую помощь своим избирателям, естественно на временной основе.

Заметим, что политическое сообщество вызывается к жизни только во время избирательных кампаний, между которыми оно не востребовано ни местной властью, ни региональной элитой. Его консервируют до поры до времени, а для политических нужд заново открывают теми инструментами, которые кажутся для этого наиболее пригодными. При этом апеллируют к социальным архетипам эпохи социализма. В такой ситуации воображаемое политическое сообщество приобретает черты советского сообщества.

Напомним, что и ядро пермского политического сообщества, и его периферия складываются из людей, принадлежащих к наименее престижным соци-

альным слоям, готовым отдать свою политическую поддержку в обмен на частные услуги. Поэтому участие в этом сообществе, пусть даже спорадическое, не является достойным делом для значительной части городского населения, вопреки всему адаптировавшейся в той или иной мере к новым реалиям, освоившей современную буржуазную по типу городскую культуру. Политическое городское сообщество в таком случае обречено быть объединением социальных неудачников. В городе сложилась парадоксальная ситуация. Социальный аутсайдер является активным и полноправным членом политической общности, выстроенной им по своему образу и подобию. Политический аутсайдер, напротив, имеет достаточно высокий уровень образования и, как минимум, средний уровень доходов, независим, активен, принимает рациональные рыночные ценности. Вот только второго политического сообщества он создать не может, так как привык в публичных делах использовать сугубо частные и недемократические методы. И в этом смысле для Перми не подходят выработанные в старой Европе рецепты, согласно которым рост экономического благосостояния влечет за собой развитие коммунальной демократии, так как «порождает тенденцию к усилению ответственного поведения, к реализации на деле принципа толерантности в действительном значении этого слова» [Perroy 1964, p. 420].

Подведем предварительные итоги. Политическое сообщество, существующее в Перми, является, на наш взгляд, собранием людей, потерянных в современном мире. В их политической культуре доминируют социальные архетипы, сохранные авторитарной властью, причем в наиболее жесткой форме с претензией на замкнутость и исключительность, с ненавистью к социальным чужакам, с национальными и политическими фобиями⁹. Политическое поведение представляет собой соединение демонстративных советских публичных ритуальных церемоний, примитивного экономического расчета и патерналистских практик. Все составные элементы такого симбиоза равняются по самому упрощенному нижнему уровню. И, самое главное, на наш взгляд, политическое сообщество лишено внутренних механизмов для саморазвития и даже для расширения за счет представителей иных социокультурных группировок.

Мы столь подробно остановились на политической территориальной общности по той причине, что в современных условиях именно она является или может явиться главной формой объединения горожан, разделенных экономическими, социальными, культурными, этническими, гендерными и возрастными признаками.

С экономической точки зрения население Перми расколото на полярные социальные группы. Если использовать показатели по величине денежных доходов, применяемые для стратификации, получается следующая картина: до 0,5 % семей принадлежат к высшему классу; около 10 % — к высшему среднему классу, столько же к среднему среднему классу; 15 % — к нижнему среднему классу, свыше 60 % — к нижнему классу, в котором не менее половины семей относятся к разряду бедных¹⁰. Перед нами типичная социальная пирамида,

⁹ Применительно к жителям немецких городов эти черты культуры низших классов описал Ф. Шорпф [Schorpf 1970].

¹⁰ Это расчетные и сугубо приблизительные данные, не совпадающие с официальной статистикой, получены нами в социологических исследованиях потребительского поведения горожан (1997—2002 гг.).

Большой город в постсоветском пространстве

характерная для раннего буржуазного индустриального общества. Правда, пирамида эта создана из непрочных материалов и воздвигнута на зыбком основании старого социалистического мира.

Новая эпоха, вспомним слова Энгельса, сказанные по поводу социального переворота, «должна будет брать вещи такими, какими она их найдет» [Энгельс, с. 239]. Буржуазная Пермь получила в наследство от социализма острую жилищную проблему (около трети семей — свыше 130 тыс. — в конце 1980-х годов жили в перенаселенных квартирах) [Лейбович, Чебанова 1994, с. 75], а также неразвитую городскую социальную инфраструктуру, финансируемую долгие годы по знаменитому остаточному принципу, и гигантский перевес индустриального сектора над коммунальным и потребительским. В этом отношении Пермь ничем не отличалась от других промышленных центров. Повсюду в крупных советских городах индустриальные объекты занимали до 60 % общей площади всей территории [Гигиена труда 1978, с. 1].

Упадок социалистической промышленности, медленное разрушение производственных гигантов, создание на их обломках капиталистических фирм оказали пагубное влияние на городскую жизнь. Речь идет не только о массовых увольнениях работников с узкой специализацией, непригодной для того, чтобы они могли найти принципиально новое рабочее место в коммерческих структурах. Хозяева предприятий (безразлично, вышли ли они из старого директорского корпуса или из новых коммерсантов) отказались от содержания некогда принадлежавшим заводам объектов социальной инфраструктуры — жилых домов, дворовых территорий, мест отдыха, а также теплотрасс и канализационных сооружений. Все это вместе взятое породило ситуацию кризиса городского хозяйства, деградацию всей городской среды.

Стагнация всей социальной инфраструктуры Перми, вероятно, за исключением телефонных коммуникаций, порождена более глубокими причинами, которые не могут быть сведены ни к просчетам городской политики, ни к социальному эгоизму нового правящего слоя. Они коренятся в условиях капиталистического воспроизводства, или, как сейчас принято писать и говорить, в механизмах функционирования рынка. Объекты инфраструктуры: школы, больницы, котельные и пр. — практически неликвидны по своей природе. Экономический эффект от них получают смежные отрасли. Исследователь городской социальной инфраструктуры в ФРГ Р. Книге вообще полагал, что принципы рыночной экономики на нее не распространяются [Knigge 1975, S. 24]. Эффективная государственная коммунальная политика, нейтрализующая слабость частного интереса, возможна, как правило, при благоприятной общей экономической конъюнктуре, высоких темпах хозяйственного роста и, в особенности, при развитой промышленности [Ronge 1971, S. 150]. Добавим к этому перечню, составленному 30 лет назад немецким социологом, заинтересованность горожан, умеющих добиваться своих прав при помощи развитых институтов коммунальной демократии. Все эти условия сегодня отсутствуют, и поэтому можно с горечью констатировать, что обнищание городской среды является постоянно действующим фактором в жизни города.

В такой ситуации конфликты между горожанами за доступ к необходимым им объектам социальной инфраструктуры становятся острее, жестче, приобретают характер игры без правил. Происходит стихийная коммерциализация

социальных объектов, сопровождающаяся ростом коррупции в среде работников коммунальных служб в широком смысле, в том числе педагогов и медиков.

В противовес этим разрушительным тенденциям пермская городская администрация делает то, что десятилетиями раньше опробовали коммунальные власти немецких городов. Она украшает центр в соответствии со старым рецептом: «Если не хватает средств для представительных новостроек и глубокой модернизации, то, по меньшей мере, центральные площади и улицы можно превратить в "хорошую городскую гостиную", сделать приятными для посетителей» [Durth 1977, S. 22]. Добавим: и для новых хозяев жизни. Нам уже приходилось писать о том, как в Перми «новые престижные дома... соседствуют с постройками каменной барачной архитектуры. Это соседство, не встречающееся в буржуазных странах с относительно устойчивой социальной стратификацией, не смущает владельцев дорогих квартир. Новый дом, зримо отличающийся от приземистых "хрущевок" ...напоминает его жильцам о социальном успехе, подчеркивает социальную дистанцию между ними и теми, кто остался в прежнем состоянии» [Лейбович 2002, с. 25]. Социальные полюса городской общности, сведенные вместе на площади, не превышающей 10 км², — характерная черта современной Перми.

В то же время в городе появляются гетто для бедняков, так называемые депрессивные территории — Закама, Голованово, Левшино... Промышленные предприятия, дававшие работу их жителям и обеспечивавшие благоустройство, закрылись или сократили рабочие места. Торговый капитал эти территории не освоил; экономически активные горожане их покинули. И теперь эти поселки являются средоточием нищеты, социальной апатии, алкоголизма, наркомании и преступности. В Перми, как и в иных раннебуржуазных городах, свобода выбора жилья «существует только для одного класса, класса имущих. Другой класс не имеет ничего другого, как принять то, что ему остается» [Regnier 1973, p. 1267]. Мы процитировали здесь французского социолога Ренье, обнаружившего в Париже 70-х годов XX в. нищие кварталы, в которых жили иностранные рабочие из стран Магриба. В Перми в таких условиях живут коренные горожане, в большинстве своем ветераны труда.

Все эти изменения в городской среде соответствуют разнонаправленным социальным изменениям, заданным условиями первоначального накопления капитала. Мы имеем в виду прежде всего социальную стратификацию, предполагающую коренную перегруппировку всей общественной структуры. На обломках социальных групп, созданных социализмом, выстраивается новая общественная иерархия по сугубо экономическим критериям — по уровню и способам получения дохода. Этот процесс, высокими темпами протекающий в ограниченном городском пространстве, характеризуется интенсивным встречным движением. Экономически активное меньшинство городского населения поднимается вверх, получает доступ к новым ресурсам, занимает приоритетные позиции во властной структуре, выделяет из своих рядов новую элиту. Другая — большая — часть городского населения, напротив, теряет социальные позиции, пополняя ряды новых бедных.

Кроме вертикальной мобильности, имеет место и горизонтальное перемещение. Многие горожане осваивают новые социальные практики, тем самым защищая свой прежний статус. Чтобы занять средние пролеты новой социаль-

Большой город в постсоветском пространстве

ной лестницы, они выбирают иной род занятий, расширяют квалификацию, учатся торговать, т. е. прилагают целенаправленные усилия, стремясь не только не потерять завоеванного общественного положения, но и воспользоваться новыми возможностями.

Этот социальный процесс конфликтен по своей природе. Он вызывает к жизни самые грубые, самые жесткие формы конкуренции. Агрессивные виды поведения в нем естественны и неизбежны. Разрушение старых социальных структур сопровождается ростом преступности, тем более в условиях, при которых институты социализации (школы, вузы, спортивные общества, иные досуговые центры) переживают упадок. Значительная часть подростков выходят из-под общественного контроля. Уличная преступность приобретает размах, угрожающий общественному порядку.

Вернемся, однако, к стратификации и подчеркнем ее незавершенность. Речь не идет о перемещении лиц из одной страты в другую: социальная структура рыночного (буржуазного) типа всегда находится в состоянии динамики. В статике она отмирает. Дело в другом. Новые социальные группировки еще не оформились, не выстроили внутренних социальных коммуникаций, не закрепили своих позиций, не получили, наконец, общественного признания со стороны социальных соседей и оппонентов. Иначе говоря, новое буржуазное городское сообщество не институализировалось. Примат частных связей приводит к тому, что в публичной сфере самоопределение граждан ограничивается близким кругом знакомых, родственников и соседей. Сделать следующий шаг — объединиться с социально близкими незнакомцами, обсудить возникающие проблемы и представить социальный, а не только личный или семейный интерес на сегодняшний день кажется непосильным делом для людей, погруженных в частные заботы.

В такой ситуации воспроизводится (ныне иллюзорное) самоопределение в ушедшем уже социалистическом мире со старыми статусами, утраченными позициями и потерянным престижем.

Новые социальные страты в социалистическом мире не помещаются, они остаются за его пределами как временное, побочное явление, что-то вроде нэпманов, валютчиков и фарцовщиков старых времен. Причем это явление распространяется и на верхние слои, вполне обуржуазившиеся и по роду занятий, и по формам досуга. Их социальный статус не укоренен. Для своих сограждан они — «частники», «новые русские», просто «жулики», «спекулянты»¹¹. Давление общественного мнения заставляет высшие слои время от времени прибегать к методам социальной мимикрии, к воображаемому возвращению в социалистический мир, из которого все они вышли.

Иллюзорное самоопределение в прошлом мире облегчается городской топонимикой, не изменившейся с советского времени. Новые коммерческие и финансовые институты буржуазного общества располагаются на улицах Ленина, Советской или на Комсомольском проспекте. Да и называются они соответственно (например, коммерческий банк «Дзержинский»). Самоидентификация

¹¹ Все вышеупомянутые характеристики почерпнуты из социологических опросов. Социологические исследования в рамках проекта «Избиратель Прикамья» проведены в 1999—2001 гг. в Перми. Выборочная совокупность репрезентативна генеральной по демографическим параметрам (науч. рук. О. Лейбович).

жителей с городом происходит в символическом пространстве, выражающем противоречивые ценности. С одной стороны, мы видим многочисленные памятники социалистической эпохи: монументы, архитектурные сооружения, мемориальные центры, с другой — восстановленные православные храмы и яркую вездесущую коммерческую рекламу.

Если считать символический городской ряд инструментом социальной идентификации, то придется предположить, что пермская символика скорее дезориентирует потребителей, нежели помогает им распознать новый социальный мир.

Таким образом, Пермь является поселением социалистического типа, в котором доминирует первоначальное буржуазное накопление. С социальной точки зрения это предполагает поляризацию городского населения по экономическим критериям. На одном полюсе социального мира концентрируются власть и материальные ресурсы, на другом — нищета и социальная апатия. Связь между этими полюсами поддерживается патерналистскими практиками. В силу этих процессов значительная часть населения Перми отчуждается от достижений городской цивилизации.

В условиях распространения частных приватных практик на общественную публичную действительность социальная жизнь в городе теряет свою открытость и определенность. Она распадается на несвязанные между собой автономные замкнутые образования, каждое из которых живет по собственным правилам. Городская общественность приобретает вид воображаемого символического закрытого политического сообщества (или сообществ), объединяющего социально слабую часть населения в ходе избирательных кампаний вокруг сильного лидера.

В такой ситуации наиболее распространенным является тип горожанина, дезориентированного в новом социальном пространстве, без ясно выраженной и закрепленной в традиции социальной позиции, агрессивного и одновременно социально апатичного, ищущего убежища в частной жизни. Пермское городское сообщество является собранием изолированных горожан, пытающихся домашними средствами решать индивидуальные проблемы.

Литература

- Боронников А., Кабацков А., Лейбович О.* Политические стратегии пермской буржуазии // Российский региональный бюллетень «EastWest Insititute». Нью-Йорк, 2002. Т. 4. № 18.
- Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
- Гигиена труда и проблема урбанизации // Гигиена труда и профессиональные заболевания. 1978. № 11.
- Грамиш А.* Тюремные тетради. М., 1959.
- Дилигенский Г.* Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М., 1998.
- Кимерлинг А.* Типологические характеристики пермских политиков // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2002.
- Лейбович О.* Мода на жилье: взгляд культуролога // Этажи Перми. 2002. № 1.
- Лейбович О., Чебанова О.* Истоки семейных проблем // Социология группы. Пермь, 1994.
- Литовка О.* Проблема пространственного развития урбанизации. Л., 1976.

Большой город в постсоветском пространстве

- Межевич М.* Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социс. 1978. № 3.
- Местное самоуправление в трансформируемом российском обществе. Пермь, 2002.
- Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18.
- Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., 1998.
- Bahrdt H.P.* Die moderne Grossstadt. Muenchen, 1961.
- Burie J.B.* Wonen in Woongedrag // Verkenningen in den sociologie van bouwen en wonen. Utrecht, 1976.
- Dahl R.* Who governs? L., 1966.
- Durth W.* Die Inszenierung der Alltagswelt. Braunschweig, 1977.
- Ellwein T., Zoll R.* Wertheim und Machtstruktur einer deutschen Stadt. Muenchen, 1982.
- Gans H.J.* Urbanism and Suburbanism as Ways of Life // Readings in Urban Sociology. Oxford, 1974.
- Knigge R.* Infrastruckturinvestitionen in Grossstaedten. Stuttgart, 1975.
- Park R.E.* The City as a social Laboratory. Chicago, 1929.
- Perroy R.* Sociological Perspective and political Pluralism // Social Research. 1964. № 4.
- Rygnier N.* La Guerre lente ou la sterilization des villes // Esprit. 1973. № 6.
- Reissman L.* The Urban Process. Cities in industrial Societies. N.Y., 1964.
- Ronge V.* Politoeconomische Planungsforschung // Politische Planung in Theorie und Praxis. Muenchen, 1971.
- Sadowski A.* Wyjasnienie poejcia «ruralizacja» // Studia socjologiczne. 1978. № 4.
- Schorpf F.* Demokratie-Theorie zwischen Utopie und Anpassung. Konstanz, 1970.
- Stenografisches Protokoll der oeffentlichen Anhoerungssitzung am 16.04. 1970 vor den 14. Besetzungen. Bonn, 1970.
- Wallis A.* Socjologia i kszaltowanie przestrzeni. Warszawa, 1971.